

Пасхалов Клавдий Никандрович

Деревенское раздумье

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдий Никандрович П.**
Деревенское раздумье / Пасхалов Клавдий Никандрович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 94 с.

ISBN 978-5-521-27343-0

ISBN 978-5-521-27343-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ шайки мошенниковъ и интригановъ, обдѣлывающихъ подъ званіемъ народнаго представителя свои личныя дѣлшки, не будемъ напоминать и о томъ, что комедія выборовъ этихъ представителей вездѣ составляетъ результатъ самыхъ наглыхъ подлостей, подкуповъ и обмановъ. Остановимъ наше вниманіе лишь на одномъ: возможно ли при данныхъ условіяхъ русской жизни, при всемъ искреннемъ желаніи, разумно осуществить волю законодателя и использовать сознательно право выбрать и послать въ Государственную Думу *лучшихъ* людей? Деревенское населеніе, составляющее, какъ сказано, около 88%, состоитъ изъ двухъ категорій: землевладѣльцевъ и крестьянъ. Посмотримъ, какимъ образомъ каждая изъ этихъ группъ можетъ осуществить свои права, и послать въ Думу дѣйствительно лучшаго изъ себя выборнаго человѣка.

Для разумнаго выбора лучшаго человѣка всѣмъ группамъ избирателей предоставлено право предварительныхъ собраній. Осуществить это право городскимъ жителямъ не представляетъ особыхъ затрудненій. Но какъ могутъ воспользоваться имъ жители деревень? Нужны ли доказательства, что вся громада крестьянъ этимъ правомъ, безъ котораго немыслимо сознательное избраніе, воспользоваться не можетъ? Но и болѣе достаточному и развитому классу землевладѣльцевъ пользованіе правомъ предвыборныхъ собраній сопряжено почти съ неодолимыми препятствіями. Не говоря уже о препятствіяхъ естественныхъ, происходящихъ отъ бездорожья и крайней затруднительности сношеній въ зимнее время даже на весьма короткихъ разстояніяхъ, мѣстные землевладѣльцы не имѣютъ возможности знать, кто именно составитъ ихъ группу. Крупные землевладѣльцы изъ дворянъ рѣдко живутъ въ имѣніяхъ, и нѣтъ никакой возможности знать, воспользуются ли они для выборовъ своимъ цензомъ земельнымъ, а если имѣютъ нѣсколько имѣній, то въ какой губерніи именно, или же примкнуть къ числу городскихъ избирателей по мѣсту своей службы или жительства. Изъ живущихъ на мѣстахъ полноценныхъ землевладѣльцевъ громадное большинство составляютъ люди или совершенно неразвитые въ политическомъ и даже вообще въ умственномъ отношеніи, или крайне стѣсненные въ средствахъ, для которыхъ недоступна

трата даже немногихъ рублей сверхъ ихъ обычнаго бюджета прожитія. Но никакое собраніе, никакое передвиженіе безъ производства расходовъ немислимо. Откуда же возьмутся средства? О землевладѣльцахъ неполно-цензовыхъ и говорить нечего. Но допустимъ, что между землевладѣльцами-жителями своихъ имѣній нашлся бы состоятельный чело-вѣкъ, готовый пожертвовать лично ему принадлежащія средства на устройство предварительнаго собранія. Какъ собрать онъ свою группу, когда онъ не знаетъ и *не можетъ* знать, изъ кого она состоитъ? Въ нашемъ, напримѣръ, уѣздѣ для избранія выборщика въ первую Государственную Думу собралось до 30 уѣздныхъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ около половины были уполномоченные отъ мелко-помѣстныхъ, только наканунѣ ими избранные. Такимъ образомъ всѣ эти лица ни въ какомъ предварительномъ совѣщаніи участвовать не могли. Если-бы даже такому охотнику собрать предварительное совѣщаніе были извѣстны всѣ остальные землевладѣльцы уѣзда, то гдѣ онъ ихъ найдетъ? Куда посылать имъ приглашенія? Куда, наконецъ, ихъ собрать, если у него нѣтъ обширнаго помѣщенія не только для собранія, но и для пріюта съѣхавшихся, ибо многимъ, можетъ быть, пришлось бы предложить и столъ, и ночлегъ, а много ли найдется теперь землевладѣльцевъ, которые могутъ оказать продолжительное гостепрѣимство 30—40 чело-вѣкамъ? Да если-бы и нашлось, то въ виду вышеннеложенной фактической невозможности знать личный составъ группы участниковъ въ избирательномъ собраніи землевладѣльцевъ—собрать ихъ частному лицу на предварительное совѣщаніе тоже рѣшительно невозможно, и слѣдовательно все деревенское населеніе, т. е. огромнѣйшая часть Россіи, лишена возможности разумно и сознательно отнестись къ выбору будущаго Думскаго законодателя. И во всемъ Петербургѣ не нашлось ни одного государственнаго чело-вѣка, который бы, зная условія деревенской жизни, указалъ мудрымъ составителямъ выборной процедуры на ея совершенную непримѣнимость внѣ городскихъ поселеній. Они сообразили бы хоть то, что въ Западной Европѣ одинъ членъ парламента или вообще представительнаго учрежденія приходится не болѣе какъ на 700 кв. километровъ территоріи государства, а въ Россіи, если взять въ расчетъ

только одну ея Европейскую часть, одинъ членъ Думы приходится на 9000 кв. кил., а вмѣстѣ съ Сибирью одинъ на 42.000 кв. кил. территоріи. Ужъ одна эта разница въ густотѣ населенія, громадность выборныхъ округовъ и затруднительность передвиженій должны были бы остановить вниманіе всякаго вдумчиваго человѣка, не по-обезьянни перенимающаго безъ смысла все, что попадется на глаза; но нашимъ Петербургскимъ *бюрократамъ* что за дѣло, что ихъ законодательные переводы съ нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго и др. европейскихъ языковъ никуда не годятся для Русской деревни, т. е. для всей Россіи. Имъ разрѣшить бы только данную задачу—начертать для русскаго обывателя конституцію. Впрочемъ, можно ли ужъ очень-то строго относиться къ этимъ изобрѣтателямъ и исполнителямъ вѣлѣній перефасонить русское царство на манеръ какой-нибудь Швейцарской республики или Бельгійской монархіи? Въдь они за эти неестественные эксперименты получаютъ положенное — и сверхъ положеннаго — по штатамъ, всѣ пустыя мѣста ихъ грудей заполняются знаками самыхъ невѣроятныхъ отличій, какъ же имъ не насаждать Липпе-Детмольдовскіе порядки въ Русской деревнѣ? А поди, откажись... Начни доказывать остроумному фантазеру всю нелѣпость и непримѣнимость его мечтаній, никакихъ сверхъестественныхъ воздаяній и не получишь.

Но кромѣ физически-непреодолимыхъ препятствій для выбора лучшаго деревенскаго человѣка въ Россійскіе законодатели, этого нельзя сдѣлать и потому, что найти такую рѣдкость не только въ деревнѣ, но и въ самыхъ благоустроенныхъ центрахъ государства, да еще въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ душъ — сдается намъ — совсѣмъ невозможно. Не только законодательствовать, но для исполненія какого-нибудь простѣйшаго ремесла нужны знаніе, опытъ и практика. Безъ сноровки и навыка дерева не срубишь, рубашки не сошьешь, борозды не вспашешь, однимъ словомъ самому простому дѣлу надо поучиться и понаторѣть, чтобы исполнять его какъ слѣдуетъ. Какимъ же образомъ можно ожидать разумнаго отношенія къ дѣлу законодательства со стороны людей, не посвященныхъ и не приготовленныхъ для этого дѣла? Разумно ли ожидать, чтобы нѣшній пахарь, портной, столяръ, фабричный рабочій, да

даже и лица изъ такъ называемой интеллигенціи, могли сознательно отнестись, на примѣръ, хоть къ обсужденію государственной росписи, уставамъ специальныхъ учрежденій и т. д.? Въдѣ между господами избранныками едва ли наберется пять на сотню, достаточно вооруженныхъ знаніями по тому или другому вопросу государственнаго законодательства, а 95% будутъ непремѣнно представлять совершенно невѣжественную толпу, которая должна будетъ на слово вѣрить или правительственнымъ чиновникамъ, или своимъ знающимъ, скорѣе притворяющимся знающимъ, коллегамъ?

Всякій человѣкъ хорошъ на своемъ мѣстѣ. Но—бѣда, коль пироги начнетъ печь сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ, сказалъ еще дѣдушка Крыловъ, и мы твердо вѣримъ въ неминучесть бѣды при такомъ извращеніи занятій не своимъ дѣломъ. Но вотъ наступилъ часъ Божьяго наказанія, правительство наше забыло самыя элементарныя предписанія здраваго смысла, такъ кратко, ясно и образно выраженныя въ вышеприведенной строфѣ знаменитаго баснописца, и заставило насъ, деревенскихъ сапожниковъ, печь законодательные пироги. Чѣмъ окончилось это нелѣпое предпріятіе въ первый разъ—извѣстно всѣмъ, и нѣтъ никакихъ основаній ожидать, ччтобы повтореніе вышло удачнѣе. Ошибка, сколько ее ни повторяй, всегда останется ошибкой, и упоретованіе на ней неизбежно ведетъ не къ улучшенію, а къ ухудшенію положенія. Улучшеніе въ правленіи страной можетъ быть достигнуто не переводнымъ обезьянствомъ, а лишь оригинальнымъ творчествомъ, соответствующимъ всѣмъ ея жизненнымъ условіямъ. Именно такого-то творчества и слѣда нѣтъ во всѣхъ по-тугахъ и метаніяхъ правительства справа налѣво и наоборотъ, чѣмъ прекрасно пользуются всѣ враждебныя и разрушительныя силы, невѣроятные успѣхи которыхъ сообщаются намъ ежедневно, въ каждомъ газетномъ листѣ, не встрѣчая соответствующаго противодѣйствія со стороны или преступно бездѣйствующей, или дѣйствующей вкривъ и вкосъ власти.

II.

Положеніе нашего отечества къ концу минувшаго года характеризовалось, по убѣжденію весьма распространенному, словомъ „успокоеніе“. Наступленіе такого состоянія признавалось широкими слоями „правыхъ“, такъ же глядѣла на состояніе государства и Верховная Власть, судя по повогодному рескрипту, данному на имя г. председателя Совѣта Министровъ. Что касается до „лѣвыхъ“, то они уже давно кричатъ о наступленіи „реакціи“ въ смыслѣ, конечно, ограниченія возможности освободителямъ свободнѣйшаго распоряженія личностью и имуществомъ обывателя.

Чему же вѣрить? Которая изъ этихъ характеристикъ правильнѣе опредѣляетъ настоящій моментъ: успокоеніе или реакція?

Разсмотримъ сначала опредѣленіе „реакція“ и постараемся уяснить себѣ, есть ли для „лѣвыхъ“ основаніе именовать этимъ словомъ дѣятельность кабинета г. Столыпина? Если судить о ней по внѣшнимъ пріемамъ, усвоеннымъ себѣ нынѣ правительствующимъ кабинетомъ, то она несомнѣнно вполне оправдываетъ названіе реакціонной, ибо едва ли въ какую-либо другую эпоху существованія государства бюрократическій произволъ проявлялся въ такой безпредѣльности.

Увѣренность г. Столыпина съ товарищами въ своей бюрократической непогрѣшимости не оставляетъ въ ихъ умахъ ни малѣйшаго мѣста хотя бы для самаго легкаго сомнѣнія въ возможности ошибки, не возбуждаетъ никакого желанія провѣрить правильность и пригодность для страны стрѣпающихся въ нѣдрахъ кабинета преобразованій, переворачивающихъ къ верху дномъ все государство. Что же касается до сущности дѣятельности правящаго кабинета, то она не только либеральна но, можно сказать, настолько революціонна, что если г.г. освободители останутся ею недовольны, то, значить, ихъ уже ничѣмъ, никакимъ раззореніемъ государства, удовлетворить невозможно, кромѣ полного его преданія подъ ихъ властныя руки.

Для простого деревенскаго ума представляется совершенно неразрѣшимымъ: чѣмъ въ сущности дѣятельность

Столыпинскаго кабинета отличается отъ перваго до-Думскаго кабинета, верховодившагося столь ненавистнымъ всеѣ Россіи графомъ Витте? И почему они при одинаковой дѣятельности заслужили такую различную оцѣнку? Правда, кабинетъ г. Столыпина неповиненъ въ позорномъ мирѣ, въ разбойничьихъ организаціяхъ при содѣйствіи Гапоновъ и рабочихъ комитетовъ, въ желѣзно-дорожныхъ и иныхъ забастовкахъ, разорявшихъ Россію и ея обывателей; неповиненъ также въ организаціяхъ и поддержкѣ обманныхъ депутацій и въ наглѣйшемъ, преступнѣйшемъ обманѣ, вынудившемъ скороспѣлое рѣшеніе 17 октября и нелѣпнѣйшій избирательный законъ, годный не для привлеченія, а для устраненія лучшихъ людей отъ возможности попасть въ число достойнѣйшихъ. Но что же сдѣлали эти преемники власти, чтобы исправить, смягчить или устранить всѣ ужасныя западни и предательскіе капканы, обильно разставленные злымъ геніемъ Россіи для уловленія и сокрушенія всѣхъ историческихъ началъ русской государственности и для торжества инородцевъ надъ несчастнымъ русскимъ народомъ? Повернулъ ли кабинетъ Столыпина на какой-нибудь новый путь? Постарался ли онъ укрѣпить положеніе русскаго человѣка на его родинѣ, надъ созиданіемъ которой онъ въ потѣ и крови трудился болѣе тысячи лѣтъ; постарался ли вернуть ему заслуженное имъ первенствующее положеніе среди покоренныхъ инородцевъ? Сумѣлъ ли онъ защитить учащуюся молодежь отъ ужаснаго развращенія ея недостойными руководителями и вернуть ей возможность безпрепятственно развивать свой умъ и обогащать его познаніями? Такихъ вопросовъ можно поставить множество и не получить ни одного положительнаго отвѣта.

Такимъ образомъ опредѣляющіе дѣятельность настоящаго кабинета реакціонною совершенно правы въ смыслѣ употребляемыхъ имъ внѣшнихъ приемовъ и вполнѣ заблуждаются въ отношеніи сущности его дѣятельности. Посмотримъ теперь, насколько справедливо именовать настоящее положеніе государства состояніемъ „успокоенія“. Если бы какому нибудь досужему человѣку пришла охота сосчитать, сколько пало и ограблено жертвъ отъ начала освободительнаго движенія до воцаренія Столыпинскаго кабинета и—сколько во время его автократіи, то можно, по

меньшей мѣрѣ, сомнѣваться въ большой разности въ результатахъ дѣятельности освободительныхъ агентовъ въ эти два періода; и нѣсколько болѣе суровое отношеніе къ убійцамъ и грабителямъ ни мало не ослабило ихъ энергической дѣятельности, а только вынудило главарей, остающихся неуловимыми, искать болѣе самоотверженныхъ исполнителей въ лицѣ юношей, чуть не отроковъ, которымъ легко можно вскружить голову ореоломъ геройства и подвига государственнаго значенія. И идутъ несчастные, и, при опасности быть захваченными; кончаютъ расправой и надъ собою, лишь бы не выдать себя и ихъ пославшихъ. Минувшій декабрь доказалъ, какъ мало повиненъ кабинетъ г. Столыпина въ „успокоеніи“ Россіи въ этомъ отношеніи, когда среди обычной массы рядовыхъ злодѣяній надъ несчастными жертвами службы и частными лицами, въ теченіе какихъ-нибудь 2 недѣль, пало четверо высшихъ сановниковъ государства. Едва ли такое состояніе беззащитности отъ покушеній освободителей можно считать успокоительнымъ и ставить въ службу попечителямъ о всеобщей безопасности. Еще поразительнѣе то, что рядъ послѣдовательныхъ убійствъ и грабежей, указывающій на сильную организованность этихъ предпріятій, не вызвалъ равно никакихъ попытокъ оградить несчастныя жертвы долга и горькой судьбы и поставить препятствія ихъ антрепренерамъ. Съ этой стороны, слѣдовательно, никакого „успокоенія“ нѣтъ. Поищемъ въ чемъ-нибудь другомъ.

Въ лѣто 1905 г., по очевидному подстрекательству главарей освободительнаго движенія, части крестьянъ, подавившись ихъ уговорамъ, начали грабить и громить усадьбы землевладѣльцевъ, что, совершенно неправильно, было названо „аргарнымъ“ движеніемъ, происходящимъ отъ мало земля. Нужны ли доказательства того, что это было вовсе не аргарное движеніе, но простое разбойное озорство по злонамѣренному подстрекательству? Аргарное движеніе проявлялось бы въ стремленіи захватить землю, между тѣмъ какъ у насъ оно громило, жгло и разоряло усадьбы и ихъ обстановку, рѣзало скотъ, уничтожало запасы и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обращалось на захватъ земли. Извѣстно много случаевъ, когда нападенія на усадьбы совершались не сосѣдями крестьянами, а пришлыми изъ далека толпами,

никогда не имѣвшими къ данному имѣнію никакихъ земельныхъ отношеній. Подпавшая совершенно безсмысленная Пугачевщина утихла не столько отъ правительственныхъ мѣропріятій, не представлявшихъ никакого опредѣленнаго плана и единства дѣйствія, сколько именно по отсутствію смысла и практически полезныхъ для населенія послѣдствій, хотя партіи захвата власти объясняли это успокоеніе тѣмъ, что народъ де ожидаетъ земли отъ будущей Государственной Думы. Дѣйствительно ярое вожаки ея тотчасъ по открытіи Думы завопили о принудительномъ отчужденіи земли отъ всѣхъ имущихъ, о ея націонализаци, а правительство, испугавшись, что соблазненный крестьянинъ уйдетъ отъ него подъ фѣрулу Аладынныхъ и К°, стало переманивать его на свою сторону самыми лестными обѣщаніями. Но все это продѣлывалось обѣими сторонами при совершенномъ незнаніи ни положенія, ни нуждъ крестьянства, которыя столь же разнообразны, какъ разнообразны условія жизни въ различныхъ мѣстностяхъ нашего необъятнаго отечества, къ которымъ невозможно примѣнить одинъ и тотъ же рецептъ, кѣмъ бы онъ ни былъ прописанъ: достойнѣйшими ли Таврическаго дворца или мудрецами правительственнаго кабинета. Вотъ почему и Дума рухнула, не произведя ни малѣйшаго впечатлѣнія въ народъ; вотъ почему и настоящія спѣшныя потуги кабинета облагодѣтельствовать народъ дарованіемъ ему права саморазоренія не вызываютъ никакого восторга и встрѣчаются народомъ съ ледянымъ равнодушіемъ, пока впрочемъ не обнаружится для него все ихъ губительное значеніе. Вотъ когда доселѣ неотчуждаемыя надѣльные земли заложатся, да начнутъ продаваться за безцѣнокъ проходимцамъ, когда туда же пойдутъ расшвыриваемыя теперь зря, безъ всякой нужды казенныя, удѣльныя и кабинетскія земли, когда половина крестьянъ-собственниковъ очутится въ безземельныхъ батракахъ безъ пристанища и средствъ,—тогда крестьяне поймутъ всю прелесть совершающихся, якобы въ попеченіи о нихъ, реформъ и вѣроятно возблагодарятъ нынѣшнихъ достойныхъ послѣдователей Сахалинскаго героя, идею котораго они рабски-точно осуществляютъ. Не вѣрите? Прочтите записку С. Ю. Витте о крестьянскомъ бытѣ. И если въ настоящее время на призывъ: „пролетаріи всѣхъ

странъ соединяйтесь, — въ Россіи никто не откликается, потому что таковыхъ въ ней нѣтъ и при существовавшихъ условіяхъ крестьянскаго быта быть не могло, то благодаря Риттихо-Васильчиково-Столыпинскому творчеству, этотъ призывъ не останется безъ отвѣта со стороны тѣхъ, которые не преминутъ воспользоваться дарованной свободой обезземелиться, а таковыхъ при слабости русскаго человѣка будетъ, конечно, не мало. Не правда ли, какая „успокоительная“ перспектива?

Есть еще одна область государственной жизни, можно сказать самая существенная, разбитая вдребезги, по которой равно ничего не сдѣлано — это общественное образованіе. Нѣтъ, впрочемъ, виновать: сдѣлано. Вершители судебъ въ этой важнѣйшей области, доведя своимъ неумѣніемъ ли, или попустительствомъ, если не преступною предумышленностью, высшія учебныя заведенія страны до полного разложенія, для возстановленія въ нихъ порядка, серьезныхъ занятій и строгой дисциплины, необходимой въ мѣстѣ скопленія нѣсколькихъ тысячъ горячихъ головъ, къ тому же направленныхъ вкривь и вкосъ злостно разрушительною пропагандою, не придумали ничего другого, какъ снять всякую узду съ бушующей толпы подростковъ и предоставить ихъ всецѣло въ безконтрольную власть тѣхъ, кто преимущественно виновенъ въ ихъ развращеніи. Оно, конечно, и легко, и популярно, и безпредѣльно либерально. Даль автономію, и сиди себѣ сложа руки. И сидятъ. И украшаются къ праздникамъ знаками отличія, а университеты и другіе разсадники просвѣщенія въ это время все болѣе и болѣе обращаются въ такое хаотическое состояніе, что теперь уже не разберешь, кто тамъ начальствуетъ Совѣтъ ли старость, Центральный ли Университетскій Органъ, еще ли какая подспудная власть, руководящая и тѣмъ, и другимъ, но во всякомъ случаѣ не г.г. автономные профессора, деканы, ректоры, попечители, коихъ обязанности со введеніемъ автономіи упростились до полученія возмездій 20 числа. Но слышали ли вы, чтобы нащъ „честнѣйшій“ кабинетъ, разоряя крестьянскій бытъ подъ предлогомъ уравниенія правъ, обезземеливая населеніе подъ видомъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, предоставляя въ распоряженіе земскихъ дѣателей, разграбившихъ въ большинствѣ случаевъ земскія

кассы, казенные милліоны, обмолвился хоть однимъ словомъ, пошевелилъ бы хоть однимъ пальцемъ, чтобы вывести наши учебныя заведенія изъ настоящаго одичалаго состоянія? И велика ли на то надежда, если Столыпинъ держитъ въ своемъ кабинетѣ Кауфмана и Герасимова, а слѣдовательно съ ними солидаренъ? Хорошо, значить, „успокоеніе“ и въ этой области.

Да, правильно говорить рескриптъ П. А. Столыпину, что возмутительныя преступленія не помѣшали неуклонному ходу законодательной работы Совѣта министровъ. Но результаты этихъ трудовъ таковы, что самолюбіе графа Витте можетъ быть вполне удовлетворено: всѣ его предначертанія исполняются его преемниками съ буквальною точностью, безъ малѣйшаго уклоненія въ область самостоятельныхъ измышленій. Государственному творчеству не оставлено внѣ начертанныхъ имъ предѣловъ ни малѣйшаго мѣста.

Но насъ, деревенскихъ, невольно беретъ раздумье: къ чему же потребовалось присутствующій оригиналъ замѣнить сомнительными копіями?

25 января 1907 г.
